

ПЛЕМЕННАЯ КВОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

KeT LaP

18+

КЕТ ЛАР

Племенная Квота

<https://litres.ru/73964339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира пять лет пряталась среди механиков-бет, спасаясь от репродуктивного рабства. Облава раскрывает нелегальную омегу и отдаёт в руки инспектора Кейла Норда — безжалостного исполнителя Племенной Квоты. Потеряв истинную пару, он ломает подопечных принудительной течкой и осеменением. Он намерен сделать Миру очередным покорным сосудом, но не учёл, что годы на кустарных гормонах превратили её тело в мину замедленного действия. Вместо жара приходит яростное доминирование. Когда альфа входит в камеру, она не сжимается — она оседлывает его, использует служебный ремень и вонзает зубы в кадык. В тишине звучат слова, парализующие зверя: «Ты боишься, инспектор. Ты — мой трофей. И ты примешь это». Жестокая система или омега, решившая подчинить себе альфу?

КЕТ ЛАР

Племенная Квота

Глава 1. Ночная облава

Запах подвала не просто ощущался — он жил здесь, как грибок, как плесень, как нечто, обретшее собственную волю. Смесь ржавого железа, отработанного машинного масла и крысиных испражнений оседала в лёгких, дубила кожу, пропитывала одежду так, что не отстирать до конца жизни. Мира перестала замечать эту вонь года полтора назад. Вернее, заставила себя не замечать — потому что брезгливость в подполье была непозволительной роскошью, а ещё потому, что настоящая бета должна вонять. Не пахнуть. Не источать. Именно вонять. Серая масса не благоухает.

Ладони скользнули по днищу грузового дрона — старая модель «Шершень-4», списанная армейская рухлядь. Контрабандисты переделывали такие под перевозку живого товара, и Мира знала здесь каждый болт, каждый сварной шов. Топливный инжектор подавался туго — она налегла плечом, чувствуя, как привычно заныл шрам между лопаток. Тот самый, что тянулся от позвоночника до нижнего ребра, — память о подпольной операционной, запахе карболки и боли,

которую не брал даже самый сильный наркоз.

Пять лет назад хирург-отступник, старик с трясущимися руками и глазами, повидавшими слишком много, вырезал её настоящие омежи железы. Выскоблил дочиста. Вшил муляжи — импланты, которые должны были обмануть любой сканер. «Ты перестанешь быть собой, девочка, — сказал он тогда, вытирая скальпель. — Но другие перестанут тебя чувствовать. Выбирай, что важнее».

Она выбрала. И заплатила. Две недели горела в лихорадке, на грани сепсиса, в камерке без окон, где стены были такими тонкими, что слышно было, как соседи-беженцы молятся своим старым богам. А когда выжила, встала и пошла работать. Механиком. Грузчиком. Кем угодно, лишь бы не лечь под систему.

— Шевелись, Ржавая! — Бригадир Торн — бета с рожей, перекроенной то ли в драке, то ли в промышленном прессе, — пнул её рифлёной подошвой в бедро. — Клиент ждать не любит. У него, знаешь ли, нервы.

Мира не ответила. Не подняла головы. Только звук издала — низкий, гортанный, утвердительный, — и продолжила затягивать гайку. С Торном так было безопаснее: меньше слов, меньше поводов для его мутного внимания. За пять лет

она выучила повадки каждого в цеху, и Торн, при всей своей гнилой натуре, был предсказуем — ему хватало самого факта подчинения.

Он харкнул на бетон, буркнул что-то про «беспольных самок, которые много о себе думают» и убрался в свой закуток.

Мира позволила себе выдохнуть. И ухмыльку — кривую, больше похожую на оскал, ту, что появлялась у неё всякий раз, когда очередной болван не замечал очевидного. Если бы он знал. Если бы хоть одна живая душа в этом подвале знала, что прячется под слоем грязи, под фальшивыми имплантами, под химическими подавителями, которые она пила, как воду.

Омега. Не просто омега — нелегальная, незарегистрированная. Государственная собственность, у которой хватило глупости и отчаяния сбежать.

Пальцы произвольно коснулись шеи — точки над левой ключицей, где прятался крошечный, едва заметный шрам от инъекционного порта. Три года назад хакер по имени Виктор — нервный гений с вечно бегающим взглядом — поставил ей идеальный чип. «Такие только у любовниц из Верхнего города, — хвастался он, облизывая губы. — Система дума-

ет, что ты — бета, и даже не переспрашивает». Виктор взял плату бриллиантами, вынутыми из материнского кольца, и собственным зубом, который Мира выбила себе сама, чтобы не возиться с обезболивающим. Зуб, кстати, прижился у него отлично — она потом видела, как он улыбается новым клиентам.

Пять лет. Шестьдесят месяцев. Почти две тысячи дней, в каждый из которых можно было сорваться — и не сорвалась. Ещё пара месяцев, и скопленных денег хватит на билет в Сопредельные Земли. Туда, где нет Племенного Кодекса, нет Фертильного Корпуса, нет альф с их коллекционерской одержимостью и правом первой ночи. Где можно просто быть — не прятаться, не врать, не вздрагивать от каждого стука в дверь.

Дрон загудел, оживая. Топливный инжектор схватился плотно, диагностический экран моргнул зелёным — можно сдавать. Мира обтёрла ладони о ветошь и потянулась за сигаретой. Дрянь редкостная — дешёвый табак, бумага, отдающая хлоркой, — но хоть что-то, хоть какая-то пауза перед следующей машиной.

В этот миг люк наверху взорвался.

Не открылся — именно взорвался. Полыхнул ослепитель-

ной белизной и стальным воем, и в цех посыпались люди. Фигуры в чёрном, в формованной броне, с эмблемой скрещённых генов на грудных пластинах.

Фертильный Корпус.

— НА ПОЛ! ВСЕМ ЛИЦОМ ВНИЗ! РУКИ ЗА ГОЛОВУ!

Голосовые модуляторы превращали команды в механический лай, лишённый пола и человеческих интонаций. Бригадир Торн рухнул первым — даже не рухнул, а как-то осыпался, будто мешок с костями, и завизжал на одной ноте. Остальные работяги — десяток сменщиков-бета — попадали ничком, прижимаясь к бетону с готовностью людей, которые знают: чем быстрее ляжешь, тем выше шанс, что не пристрелят просто так.

Мира опускалась медленно. Не падала — опускалась. Контролируя каждое движение, каждый угол сгибающегося колена. Страх был. Липкий, студёный, он полз откуда-то из живота к горлу, сжимал внутренности ледяной ладонью. Но она уже знала: паника — не помощник. Паника убивает быстрее пули.

Они здесь не за ней. Это стандартный рейд. Проверят чипы, сверят базы — и свалят в следующую дыру. У неё без-

упречная подделка, у неё импланты, у неё пять лет опыта притворства. Главное — не дышать в сторону альф. Не встречаться глазами. Быть серой, быть никакой, быть массой.

Она сцепила пальцы на затылке. Опустила взгляд в пол.

Солдаты рассредоточились по цеху чёткими, отработанными движениями. Грохот подошв. Вспышки ручных сканеров — синие лучи заскользили по спинам, считывая подкожные чипы.

— Бета, регистрационный 45-КС-9902, — докладывал женский голос. — Бета, 67-ЛМ-3341...

Мира прикрыла глаза. Дышала размеренно, стараясь унять молот в груди. Её очередь приближалась, отсчитывалась шагами, расстоянием, количеством тел между ней и солдатами.

— Бета, 23-ДР-7718, — раздалось над головой.

Она выдохнула. Тихо. Сквозь зубы. Чип сработал, как надо.

— Гормональный скан.

Чья-то рука — тяжёлая, закованная в бронированную перчатку — толкнула её голову вперёд, задирая подбородок. Холод сканера обжёг кожу над позвонками, там, где поддельные железы соприкасались с нервами. Вспышка. Ещё одна.

Пауза.

— Сбой сканирования. Повтор.

Пластина вжалась в шею снова — на этот раз до боли, до белых искр под веками. Мира сцепила зубы. Старые модели глючили на подделках — это случалось. Главное, чтобы не включили запасной протокол.

— Внимание. Несоответствие гормонального рисунка. Требуется молекулярный анализ.

Внутри что-то лопнуло. Беззвучно. Обречённо. Молекулярный анализатор брал не кровь, не мазок — он нырял в саму ткань, считывал структуру белков, и не существовало подделки, способной его обмануть.

— У меня регистрация беты. — Голос прозвучал ровно, даже скучающе. — Оборудование барахлит. Напишите рапорт в техотдел.

Солдат — шлем скрывал лицо, но плечи, рост, разворот корпуса выдавали альфу — негромко хмыкнул. И коротко, без замаха, ударил её в поясницу. Туда, где не останется от-метин, но где каждый нерв взорвётся на минуту.

Мира согнулась, ловя ртом воздух, ставший вдруг густым, как смола. Перед глазами плавали багровые сполохи. Она не вскрикнула. Только челюсти стиснула так, что эмаль скрипнула, а где-то в глубине души поднялось холодное, злое: «Беги отсюда. Немедленно. Сейчас». Но бежать было некуда. Четверо у выхода. Ещё двое с парализаторами у лестницы. Весь цех в оцеплении.

Солдат с анализатором — уже другой, прибор в руке напоминал пистолет с длинной иглой — присел рядом. Мира дёрнулась, когда остриё вонзилось над ключицей, крошечный зонд проник в мягкие ткани, считывая то, что нельзя подделать.

Тишина. Долгая. До звона в ушах.

Потом молекулярный анализатор пискнул — тонко, пронзительно, — и механический голос, лишённый интонации, произнёс:

— Выявлена особь категории «омега». Гормональный профиль: угнетённый, дестабилизированный. Зафиксированы импланты-имитаторы. Особая примета: постхирургическое отсутствие нативных желёз. Статус: НЕЛЕГАЛЬНАЯ. Подлежит немедленному изъятию. Статья 7 Племенного Кодекса.

Цех замер. Даже те, кто лежал лицами в пол, затаили дыхание — слышно было, как капает масло из неисправного патрубка.

— Омега, — протянул солдат с лентой, в которой проступило что-то новое. Не гадливость — азарт. Голодный, охотничий. — Надо же. В этой крисиной норе. И сколь долго ты бегала, сучка?

Мира подняла голову.

Всё, чему её учили с детства, — подчиниться, замереть, упасть, показать горло, — орало сейчас в каждой клетке тела. Инстинкт выживания требовал одного: сдайся, и, может быть, тебя не разорвут сразу. Но она пять лет душила в себе омегу. Пять лет травила её блокаторами. Пять лет притворялась существом, не имеющим запаха, не имеющим ранга, не имеющим ценности. И сейчас, на краю, когда всё уже рухнуло, — она не собиралась унижаться перед теми, кто пришёл

забирать её, как вещь.

Она посмотрела в глаза солдату. Прямо. В упор. Без просьбы, без страха, без тени того, что должна была испытывать омега перед альфой.

— Достаточно долго, — ответила она. — Достаточно, чтобы выучить одно: такие, как вы, — просто пушечное мясо. Отработанный материал для системы, которой плевать, содохнете ли вы сегодня или через год. Вы делаете грязную работу, а потом Корпус утилизирует и вас. Когда кончатся омеги — примутся за альф.

Повисла мёртвая пауза. Кто-то из бета-работяг тихо заскулил — тоненько, по-звериному.

Альфа — тот самый, что бил её, — дёрнул рукой. Мира внутренне сжалась, готовая к удару. Но он остановился. Замедлился. И стащил шлем — рывком, словно сомневаясь в том, что видит и слышит.

Молодое лицо. Светлые, почти выцветшие глаза. Шрам в нитку через левую бровь. Рот, сжатый в прямую линию. И самое страшное — ни бешенства, ни вожделения. Холодный, клинический интерес. Так энтомолог разглядывает неизвестное насекомое перед тем, как приколоть его булав-

кой.

— Умная, — сказал он бесцветно. — Жаль, что не засчитается. Вяжите. Категория «повышенная опасность». И свяжитесь со старшим инспектором Нордом. Доложите: дезертир с гормональным отклонением. Пусть сам принимает решение — в утилизацию или на персональное осеменение.

Её брали вчетвером. Мира отбивалась не как женщина — как загнанный в угол хищник, у которого остались только зубы и воля. Локтем разнесла одному нос — горячее брызнуло на щёку, чужое, солёное. Второму ногтями пропоролла скулу — до кости, кажется. Их не останавливало ничто, но она заставила их попотеть, прежде чем жёсткие фиксаторы защёлкнулись на запястьях, приматывая руки к бёдрам.

Колодка на лодыжках — короткая цепь, не дающая сделать шаг шире ладони. И напоследок — ошейник. Холодный, тяжёлый, с электродом, упёршимся в кадык. Одно движение пальца на пульте — десять тысяч вольт, мгновенное забытьё.

Её выволокли по лестнице в ночь. В лицо ударил холодный ноябрьский ветер, пахнущий бензином, мокрым асфальтом и далёким дождём. Мира вдохнула полной грудью — впервые за пять лет не через вентиляционную шахту, а по-настоящему. Небо над промзоной было мутным, рыжим

от зарева заводских огней. Где-то на горизонте, далеко-далеко, сияли шпили Верхнего города — там жили законные. Те, кто родился в правильном статусе. Кто никогда не прятался, не бежал, не глотал блокаторы.

Здесь, внизу, царила другая жизнь. Грязная. Короткая. Идеальная для того, чтобы исчезнуть без следа.

У чёрного фургона с эмблемой Корпуса стоял мужчина.

Никакой брони. Только формованный китель с серебряными шевронами высшего ранга. Высокий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами, в которых серебрилась ранняя седина — больше на висках, чем на макушке. Лицо у него было резкое, вырубленное из камня: тяжёлая нижняя челюсть, глубокие тени под глазами, жёсткие складки вокруг рта. И шрам. Страшный, рваный шрам через горло — от кадыка до левой ключицы, — побелевший от времени, но всё ещё читаемый: этого человека когда-то резали. Резали насмерть. Не получилось.

Старший инспектор Кейл Норд.

Мира знала это имя. Его знали все в подполье — легенда, живой кошмар Фертильного Корпуса, альфа без истинной пары, человек, который лично вернул в систему больше

сотни сбежавших омег. О нём говорили шёпотом: что он не различает запахов с тех пор, как погибла его истинная; что он не оставляет подопечных в живых дольше, чем нужно для осеменения; что у него в подвале не камера, а лаборатория, и те, кто туда попадает, не возвращаются даже в отчётах.

Мира ждала увидеть монстра. Зверя с оскалом и бешеными глазами.

Но когда Норд обернулся на звук шагов, она встретилась с самым страшным из всего, что видывала.

Пустота. Абсолютная, выжженная, бездонная пустота в зрачках. Так смотрят люди, которые уже завершили свой земной путь, но забыли упасть.

— Это она? — Голос у старшего инспектора оказался низким, лишённым всякого оттенка. Слова падали, как камни в воду. Без всплеска.

— Так точно. — Альфа со шрамом на брови вытянулся по струнке. — Нелегальная омега, гормональная аномалия. Анализатор зафиксировал подавленный профиль и хирургическое замещение желёз.

Норд приблизился. Неторопливо. Почти лениво. остано-

вился в шаг и посмотрел на Миру — не на женщину, не на человека, а на графу в отчёте, которую предстоит заполнить.

— Имплянты?

— Подпольные. Серийный номер не идентифицируется. Но анализатор указал на нестабильность. Возможна мутация.

Норд чуть склонил голову. Свет фар скользнул по его лицу, и Мира разглядела детали, упущенные в первый момент: тончайшая сеть шрамов вокруг глаз, словно ему вживляли что-то под кожу, и сухие, потрескавшиеся губы человека, который забывает о воде, еде, сне — обо всём, что не работа.

— Дезертир с гормональной мутацией, — повторил он задумчиво, словно пробуя слова на вкус. — Таких предписано утилизировать.

— Да, сэр. Однако протокол позволяет персональное осеменение при научной ценности аномалии. А у неё...

— Я знаком с протоколом, лейтенант. — Температура голоса упала ещё на градус. — Что в ней примечательного, кроме мутации?

— Доминантная реакция на альфа-феромоны. Вместо подчинения — выброс тестостерона. Мы замерили: на стандартную дозу ответила агрессией. Не эстроген, а тестостерон. Показатели сопоставимы с альфа-подростком в пубертате.

Что-то промелькнуло в пустых глазах. На долю секунды — так быстро, что Мира скорее угадала, чем заметила. Не интерес даже. Отсвет. Блик. Тень узнавания, причину которого она не могла понять.

— Я забираю её, — произнёс Норд.

Лейтенант замялся, переступил с ноги на ногу.

— Сэр, прошу прощения, но...

— Я забираю. — Норд не повысил голоса, но лейтенант вздрогнул сильнее, чем от окрика. — Оформляйте как персональное осеменение. Объект 17-О.

Объект.

Мира рванулась вперёд — насколько хватило длины цепи. Железо впилося в щиколотки, но она даже не поморщилась.

— У меня есть имя, — бросила она сквозь зубы.

Норд перевёл взгляд на неё. Встретился глазами. И впервые там, на дне этих бездонных провалов, шевельнулось что-то живое. Холодное. Беспощадное. Но живое.

— У тебя был номер, — отчеканил он. — И будет номер. В Центральном инкубатории — или у меня в подвале. Разницы, поверь, никакой.

Он повернулся к солдатам.

— Грузите в машину. Ошейник снять.

— Но, сэр, она опасна! Вы не видели, как она...

— Снять. — Норд по-прежнему не повышал голоса, но трое солдат отступили на шаг, а тот, что колебался, запнулся на полуслове. — При мне он не нужен.

Замок щёлкнул. Ошейник ослаб и упал на асфальт. Мира втянула воздух — и в этот миг поняла, зачем он велел его снять.

Как только давление исчезло, её искалеченные, изуродованные хирургией железы выплеснули первую за пять лет

неконтролируемую волну запаха. Подавители больше не держали. Блокаторы вышли из крови. И то, что рвалось наружу, было не аккуратным, стерильным ароматом законной омеги — а дикой, необработанной смесью гормонов, химии и чего-то глубинного, чего Мира сама в себе не знала.

Она приготовилась к отвращению. К гримасе. К тому, что его вывернет от этой гремучей смеси.

Но Норд не шевельнулся.

Только ноздри дрогнули — она заметила это совершенно отчётливо, заметила, как он втянул воздух, не отшатнулся, не отвернулся. Втянул — и замер на долю мгновения. Не как альфа, учувявший добычу. Как человек, который узнал запах из прошлого и пытается вспомнить, откуда.

— Интересно, — проговорил он почти шёпотом, обращаясь не к ней, не к лейтенанту, а куда-то в пространство. — Очень интересно.

2 глава.

Персональное кураторство

Мира стояла в очереди таких же, как она, — недавно откалиброванных, вымытых до скрипа, запечатанных в белые

больничные комбинезоны. После проваленной калибровки её всё равно сунули в общий поток — брак, подлежащий утилизации через стандартное осеменение. Колонна одинаковых фигур текла в зал осеменения, и Мира текла вместе с ней, стиснув зубы, ощущая, как прозрачные стены комнат скользят по обе стороны. В каждой — альфа и омега, животный ритуал под неоновым светом. Её сейчас втолкнут в такую же.

Она приготовилась.

Дверь скользнула в сторону впуская её в стерильное нутро помещения. Но вместо стандартного осеменителя, закреплённого на механической руке, перед ней стоял мужчина.

Высокий, плечи распирают чёрную униформу куратора, нашивка с золотым ирисом — высший уровень доступа. Запах ударил сразу: тяжёлый, жжёный сандал, перекрывающий больничный антисептик. Мира дёрнулась, как от пощёчины.

ChatGPT 5 | Gemini 3 | Nano Banana:

Его появление здесь не имело смысла. Кураторы не спускаются в осеменаторские. Кураторы не... смотрят так, словно уже знают каждый её шрам.

— Омега-4791, — произнёс он голосом, обещающим подчинение. — Ты поступаешь в моё персональное распоряже-

ние.

Стеклянный стилус она выхватила мгновенно — метнулась к настенной консоли управления, рванула закреплённый там стержень. Первый удар пришёлся в сонную артерию. Второй — в гортань. Третий она нанести не успела.

Мужчина перехватил её руку и впечатал Миру спиной в прозрачную стену.

В этот момент его запах ворвался внутрь — обжигающий, приказной, — и её тело дёрнулось в противоречивом спазме. Инстинкт, отшлифованный в трущобах до бритвенной остроты, приказал рвать глотку. Но она сжала кулаки — рано. Надо было понять, с кем она столкнулась.

— Что, ублюдок, не ожидал? Думал, захнычу и раздвину ноги?

Он не ответил. Только перехватил второе запястье, заламывая руки над головой. Мира взбрыкнула коленом, целясь в пах, — он принял удар на бедро, и мир вспыхнул болью.

— Сдохни! — прорычала она, целясь ногтями в его горло.

Он сжал запястье сильнее, вынуждая выронить стилус, и

вдруг наклонился, почти касаясь губами её ушной раковины. Воздух вокруг сгустился, пропитался альфа-феромонами.

Альфа-феромоны, концентрированные, принудительные, вбили её тело в режим подчинения. Удар током по позвоночнику — годы приютов и распределителей вбили этот рефлекс: омега подчиняется альфе. Мгновение — она пошатнулась, опёрлась ладонями о его грудь, почти теряя себя.

Но там, под слоем дрессировки, всегда жила Грань. Та самая Грань Алмаза — дитя трущоб, выжившая любой ценой. И сейчас, когда колени почти подогнулись, она рванула изнутри.

Разрыв. Вместо слабости в мышцах запульсировала сила — необузданная, искажающая реальность. Грань Алмаза включилась, перекраивая биологию под единственный приказ: выжить.

Кейл удовлетворённо прищурился. Всего лишь на долю секунды.

— Ну наконец-то, — выдохнул он. — Я ждал, когда включишься.

Это стало их первым настоящим столкновением. Не ри-

туальное подчинение, не стандартное осеменение — драка двух хищников в прозрачной клетке. Мира изворачивалась, била локтями, пыталась прокусить ему плечо — тщетно. Он блокировал каждый удар с ленивой грацией того, кто провёл в тренировочных залах тысячи часов, а затем, наконец, впечатал её в пол.

Кейл навис сверху, перехватывая оба запястья одной рукой. Второй — рванул клипсы комбинезона, обнажая живот и грудь. Его пальцы пробежались по шрамам — старым, побелевшим, и свежим, ещё розовым — с таким выражением, будто читал историю, написанную на коже.

— Грань Алмаза... — повторил он, пробуя слова на вкус. — Нестабильна. Опасна. Врождённая сопротивляемость феромонам. — Его ладонь легла ей на горло, не сжимая, лишь фиксируя. — Знаешь, сколько таких, как ты, превратились в диких, когда природа брала своё? Ты — ошибка в системе. И эту ошибку я должен исправить.

Она не успела ответить — вторая волна его феромонов ударила сильнее. На этот раз Грань не защитила — альфа-подавление накрыло её с головой. Между ног стало горячо и влажно, и Мира закусила губу до крови, чтобы не застонать. Она ненавидела каждую клетку, которая реагировала насильственным возбуждением.

Он вдруг накрыл её промежность ладонью. Даже через ткань комбинезона прикосновение обожгло. Мира зашипела, дёрнулась, но тело предательски толкнулось навстречу. Кейл не улыбался.

Затем она замерла, прислушиваясь к тому, во что превратилось её тело. Ужас и возбуждение сплелись в сплаве Грани, и Мира вдруг поняла: это — оружие. Если он хочет её сломать, она заставит его подавиться собственным желанием.

В следующее мгновение она выгнулась — медленно, подчёркнуто, касаясь ягодицами набухшей плоти там, где его брюки уже не скрывали реакцию. Не сдаваясь — атакая.

Кейл замер. Всего на секунду.

— Инкубаторную куклу? — выплюнула Мира, чувствуя, как чужая выдержка даёт трещину. — Хрен тебе. Я тебя сама выпотрошу. Прямо на этих стенах разложу.

Он вдруг усмехнулся — коротко, криво, будто сам не до конца верил в происходящее — и одним движением развернул её спиной к себе. Мира упёрлась ладонями в прозрачную стену, и вжалась лбом в прохладную поверхность. Она чув-

ствовала, как он освобождает себя от одежды, как жар его тела накрывает её сзади, и Грань внутри неё перекручивала страх в ярость, ярость — в возбуждение, возбуждение — в нечто тёмное и голодное.

— Я тебя трахну, — её голос сел до шёпота, но в нём пульсировала та же самая сила, что заставляла его мышцы напрягаться. — И когда кончу, вырву твой позвоночник. Будешь у меня экспонатом.

Она сама запустила руку вниз, накрывая его ладонь своей и направляя глубже, в горячую, влажную готовность, которой одновременно желала и стыдилась.

— Ты сломаешься, — выдохнул Кейл ей в затылок, и это прозвучало почти как молитва. — Но перед этим я изучу каждую грань твоего сопротивления.

Он вошёл в неё одним движением — до конца, не давая привыкнуть. Мира вскрикнула, царапая ногтями прозрачную стену, оставляя белые полосы. Её тело приняло его сразу, жадно, как принимает засуха первый ливень. И тогда Грань Алмаза показала, на что способна: вместо того чтобы подчиниться, она начала отвечать. Каждый его толчок возвращался утроенной силой её желания.

Кейл зарычал — низко, утробно, и этот звук был уже не кураторским. Это был звук альфы, встретившего равного.

То, что происходило дальше, не было ни стандартным осеменением, ни ритуалом подчинения, ни даже наказанием. Это был бой. Яростный, мокрый, жаркий бой двух тел, каждое из которых отказывалось уступать. Узлы вязались и рвались, феромоны сталкивались, создавая химический шторм, и где-то на границе боли и наслаждения зарождалось нечто третье — невероятное, запрещённое, опасное.

Слияние Грани и Порядка.

Когда всё закончилось, они оба лежали на полу — обессиленные, но не сломленные. Мира свернулась клубком в углу прозрачной клетки, тяжело дыша, и чувствовала, как внутри неё завязывается узел — тот самый, который она поклялась никогда не допускать. Кейл сидел, прислонившись спиной к противоположной стене, и смотрел на неё с непонятным выражением. В его руке блеснул экран планшета, куда он вбивал короткие пометки.

— Что ты пишешь? — голос Миры прозвучал хрипло, но твёрдо.

— Первичный отчёт, — он не отрывал взгляда от экрана.

— Грань Алмаза дестабилизирует стандартные протоколы. Требуется иной подход.

— Какой?

Кейл поднял глаза, и в них мелькнуло то, чего Мира не ожидала увидеть: интерес. Не садистский, не хирургический — настоящий исследовательский азарт.

— Ты станешь моим персональным проектом, Омега-4791. Я изучу каждую грань твоего сознания, пока не пойму, как ты работаешь. А потом...

— Что потом? — она оскалилась, демонстрируя клыки.

— А потом я решу, что с тобой делать.

Он поднялся одним плавным движением, поправил униформу, и бросил на неё последний взгляд — оценивающий, но уже не угрожающий.

— Завтра начинаем обучение. Не опаздывай.

Мира осталась одна в прозрачной комнате, пропахшей их смешанными запахами. Она смотрела, как закрывается дверь, и впервые за долгое время не знала, что делать. Ин-

стинкт кричал бежать, Грань требовала уничтожить, но где-то глубже, на уровне, о существовании которого она не подозревала, зрело совершенно иное решение.

Она не сбежит. Она останется. И узнает, кто он такой — этот куратор, которого не сломила даже Грань Алмаза.

Вместе им предстояло пройти точку невозврата. Или разрушить её до основания.

Глава 3

Пробуждение было рывком, а не плавным всплытием.

Мира открыла глаза и ещё секунду не понимала, где находится. Белый потолок, белые стены, металлический привкус воздуха — лазарет или лаборатория. Маленькая палата без окон, койка с тонким одеялом, на тумбе — закрытый контейнер с водой. В углу — стул с кожаными ремнями на подлокотниках. Не для отдыха.

Она попыталась сесть. Тело слушалось плохо: каждая мышца ныла, руки дрожали, но страха не было. Только звенящая, пустая ясность. И ещё — странное тепло где-то в центре груди, словно под рёбрами вживили тлеющий уголёк.

Дверь открылась без стука. Кейл.

Он вошёл спокойно, как входят в собственный кабинет. Никакой охраны за спиной, никакого подавителя в руке. Только папка-планшет и непроницаемое выражение лица.

— Ты быстро восстановилась, — сказал он, останавливаясь в двух шагах от койки. — Показатели почти идеальные. Поздравляю, первичная активация прошла успешно.

— Пошёл ты, — хрипло отозвалась Мира. Горло драло, будто она глотала песок. — Что за дерьмо ты в меня закачал?

— Сыворотка-носитель. — Он положил планшет на тумбу, не сводя с неё глаз. — Она пробуждает Грань. Твою, как выяснилось, — Алмазную. Редкий вариант.

Мира медленно спустила ноги на пол. Кейл не шевельнулся. Самоуверенность или расчёт?

— Алмазную, — повторила она, пробуя слово на язык. Оно ничего не значило. Красивая обёртка для пытки.

— Устойчивость к альфа-подавлению, абсолютная концентрация, способность действовать в критических условиях. — Он говорил механически, словно зачитывал прото-

кол, но взгляд стал острее. — Ты не поддавалась феромонам в первую встречу. А теперь твоя Грань активна, и я должен понять её пределы.

— Значит, будешь изучать, — Мира оскалилась. — Как лабораторную крысу.

— Как ценный ресурс, — поправил Кейл.

Она заставила себя встать. Ноги держали. Кейл по-прежнему не двигался — нарочно подпускал её ближе, проверял реакцию. Она приняла правила.

— Ладно, куратор, — сказала Мира, делая шаг к нему. Голос окреп, злость выжгла остатки слабости. — Изучай. Только сначала ответь на херов вопрос: почему я? Почему не сдохла сразу?

Кейл не ответил, и эта пауза сказала ей больше, чем слова.
ChatGPT 5 | Gemini 3 | Nano Banana:

Дальше всё произошло быстро. Мира рванулась не вперёд — вбок, к стулу с ремнями. Он был ближе, чем казалось. Пальцы сомкнулись на кожаном креплении. Не оружие, но достаточно длинное, прочное. Кейл перехватил её удар, но она и не рассчитывала на прямой контакт. Она использовала инерцию его блока, чтобы развернуть его и бросить на стул.

Он упал, стул качнулся — и Мира оказалась сверху, коленями придавливая его бёдра, затягивая ремень вокруг запястий за спинкой.

Кейл дёрнулся, но ремень держал. Синтетическая стропа из снаряжения, выданного ещё на сортировке, — не леска, но и не цепь. На минуту-другую хватит.

Она выпрямилась, тяжело дыша, и посмотрела на него сверху вниз.

— Вот теперь поговорим нормально. Или ты думал, сука, что я буду сидеть и ждать, пока ты меня чипируешь?

Кейл не выглядел напуганным. На его губах даже мелькнуло что-то вроде интереса.

— Ты хочешь ответов? — спросил он спокойно. — Задавай вопросы.

— Что за Грань? На хуй она вам сдалась?

— Люди с врождённой устойчивостью к ментальному воздействию альфа — редкость. Правительство ищет способы создать армию, способную противостоять вторжению или внутреннему коллапсу иерархии. Твоя Грань — идеальный

инструмент. Её носители не поддаются подавлению, не впадают в омежий ступор, могут действовать, когда остальные ломаются. Ты — прототип.

Мира слушала, не перебивая. В голове крутилось: «правительство», «армия», «прототип». Слова-пустышки. Её не спрашивали, хочет ли она быть прототипом. Её просто сломали и пересобрали.

— А ты? — она ткнула пальцем ему в грудь. — Просто лабораторный халат на побегушках?

— Я — куратор. Моя задача — стабилизировать твою Грань, довести до боевого состояния. Или... — он сделал едва уловимую паузу, — отбраковать, если не справишься.

— Отбраковать, — повторила Мира. — То есть убить.

— Распределить в рекреационный блок, — поправил он ровно. — Там альфы-контролёры быстро находят применение нестабильным образцам. Жить будешь. Недолго.

Она ударила его ладонью по лицу — коротко, хлёстко, без замаха.

— Мразь.

Кейл даже не моргнул.

— Эмоции — слабость. Твоя Грань должна была подавить их, а не разжигать.

— Моя Грань, — процедила Мира, наклоняясь ближе, — переплавилась страх в азарт. И знаешь, что я теперь хочу? Изучить тебя так же, как ты меня. Разобрать, понять, где твоя кнопка «выкл».

Она не испытывала желания. Не этого. Но в голове оформилась мысль — грубая, трезвая, как план боя. Он говорил о контроле, о власти альфы. Если она хочет вырваться из мышловки, нужно перевернуть доску. Сделать с ним то, чего он не ожидает. Заставить его тело предать разум — и посмотреть, что сломается первым.

Мира расстегнула форменную рубашку Кейла. Он напрягся.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал он, но в голосе впервые прорезалось что-то, кроме льда.

— А ты мне объясни. Ты же куратор. — Она справилась с застёжкой его штанов. Стропа на запястьях натянулась,

ткань скрипнула. — Ты хотел изучить мою реакцию? Я изучу твою, сука.

Она опустилась на него, не убирая коленей. Не от страсти — от злого, почти стерильного любопытства хирурга, который делает разрез не для того, чтобы убить, а чтобы посмотреть, как пациент закричит.

Кейл выдохнул сквозь зубы. Его тело отвечало помимо воли. Мира чувствовала жар чужой кожи, напряжение мышц под собой и — странное, новое ощущение. Внутренний уголёк под рёбрами запульсировал. То, что он назвал Алмазной Гранью, отозвалось на их близость не агрессией, а резонансом.

Она прищурилась.

— Что такое? Уже не такой непробиваемый?

Он не ответил. Его зрачки расширились, челюсть сжалась. Мира заметила, как по его шее побежала тонкая дрожь. Феромоны, которыми альфа обычно продавливал чужую волю, сейчас не давили — они упирались в неё, как в стену, и возвращались обратно. Нет, не отражались — скорее гасли, поглощались её собственным полем. И дезориентировали его.

Она не отводила взгляда.

— Значит, без своих химических понтов ты — просто мужик подо мной. Херовый расклад для куратора, а?

Она двигалась не ради удовольствия. Ритм был подчёркнуто механическим: вверх-вниз, вверх-вниз. Она смотрела на его лицо, ловила каждый микрожест, каждую тень. Его контроль трещал. Грань внутри неё пульсировала сильнее, втягивая в себя что-то от Кейла — не запах, не тепло, а некую сырую, голую частоту.

Кейл задышал тяжелее. Мышцы на руках вздулись; ремень затрещал, но пока держал. Мира подалась вперёд, вдавливая ладонь ему в грудь.

— Давай, рассказывай. Что ещё твоя программа делает с такими, как я? Связь, о которой ты втирал? Хочу услышать от первого лица.

— Связь... — голос у него сорвался, — это побочный эффект. Грань ищет противовес. Устойчивый якорь.

— Якорь? — она замерла, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна. — Ты, что ли?

— Один из вариантов, — выдохнул Кейл. — Если Грань активируется до конца, она сформирует постоянный канал. К тебе... ко мне...

Мира не дала ему договорить. Она возобновила движение — быстрее, жёстче. Ей не нужны были его полуответы. Ей нужно было увидеть, что случится, когда альфа потеряет контроль полностью.

Это случилось почти сразу. Кейл выгнулся под ней, со сдавленным рыком, и Мира ощутила, как его тело выплёскивает напряжение — и одновременно струна внутри неё натягивается до предела, почти лопается, а потом резко ослабевает, оставляя после себя странную, тягучую вибрацию где-то внизу живота.

Не наслаждение. Скорее, замыкание цепи.

Она соскользнула с него, тяжело дыша. Ноги дрожали уже не от слабости — от перегрузки. Внутри, там, где закончилось его проникновение, пульсировало чужое, тёплое ощущение. Не физический предмет — нить. Тонкая, натянутая струна, уходящая куда-то в центр её тела и дальше, в темноту, где, как она вдруг поняла, жило теперь что-то общее с ним.

Пока она пыталась осмыслить это, ремень с треском лопнул. Кейл освободил руки — просто разорвал стропу, сломав несколько волокон в несколько рывков. Звук был такой, будто по палате хлестнули кнутом.

Он не набросился. Он остался сидеть, растирая запястья, и смотрел на неё с выражением, которое Мира не могла расшифровать. Не ярость. Не триумф. Скорее — голод.

— Ты хоть понимаешь, что сделала? — спросил он тихо.

— Ответила тебе. — Она гордо выпрямилась, не отводя глаз, хотя внутри всё дрожало.

— Нет. Ты инициировала связь. Раньше времени.

Он поднялся, поправил одежду. Движения были резкими, но контролируемы. Мира ждала вспышки, блокировки, удара — но Кейл просто взял планшет с тумбы.

— Охрану не вызову, — сказал он, словно прочитав её мысли. — Ты нужна мне... для завершения протокола. То, что произошло сегодня, приблизило финал, а не отменило его.

— То есть ты оставишь нападение на куратора без послед-

ствий? — она криво усмехнулась. — Как великодушно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.